

Первая запись в дневнике. Мы были Знакомы с 1962 года. В тот год я стал главным редактором издательства «Молодая гвардия». Почему потянуло именно к нему с неким особым чувством? То явно сказались мои в войну детство и отрочество – деревенские(!). А это обстоятельство, ясное дело, очень внятно было предрасположено к творчеству русского классика Михаила Исаковского. Одно вспомнить – как ладно жилось у нас его песням (книги-то в нашей сибирской глухомани в войну не продавались) в душах моих сельских соотечественников в те страшные времена сплошных горя и тягот.

Увы, став издателем, я был и небрежно, и неосторожно наивен: встречи с великим творцом были, а не записывал, надеялся на память, а она-то, как теперь, в старости остается твердо помнить, как ещё ненадежна.

1971 год. Запись в дневнике: «Получил письмо от М.В. Исаковского». Хорошо, что сохранил его. Оно – роскошно изукрашенное сочными мазками забот, – приоткрывает для читателей закулисы сотрудничества писателя и издателя, поэты-небожители, оказывается, тоже жили на суетно-грешной земле:

«/.../ Извините меня, что я – по Вашу душу. Я не хотел этого делать, но так получилось. А дело вот какое.

Рукопись моей книги “На ельнинской земле” готова. (Если, конечно, можно назвать рукописью нечто, состоящее из журнальных наклеек и отчасти из машинописного текста.)

Казалось бы, раз рукопись готова, ее надо передать в издательство, а там уж и пойдет все, что надо дальше. Однако есть

некоторые «но», преодолеть которые без помощи издательства просто не в состоянии. Впрочем, объясню все по пунктам.

1. В рукописи очень много поправок. И особенно их много в наклейках тех глав, которые печатались журналом “Дружба народов”. По какой-то странной случайности там «редактировал» мое произведение человек, который несомненно плохо знает деревню. А в дополнении к этому он, этот человек, по-моему, глуховат и на русский язык. Поэтому почти все поправки, которые были внесены редактором, делают соответствующие места либо (в лучшем случае) странными, либо в той или иной мере нелепыми, либо неграмотными. Я не могу удержаться, чтобы не привести некоторых примеров.

Во многих местах у меня фигурирует деревня Оселье. А в главе “За хлебом” рассказывается, как некий Андрей Горюнов привез из Курска для своих однодеревенцев – жителей деревни Оселье вагон хлеба. И дальше есть фраза, что осельские мужики везли хлеб со станции.

Мой редактор решил, что в слове осельские я по ошибке поставил лишнюю букву О. “Лишняя” буква была вычеркнута, и в журнале появилась явная нелепость, а именно, что хлеб везли сельские мужики. Как будто есть еще и городские мужики.

У меня написано, что подул ветер, началась метель и на дороге кое-где уже появились намети. (Намети – это множественное число от слова наметь.) И вот вместо моих наметей появляется наметь! А это ведь совсем уже другое дело.

Я пишу, что конвоир пригнал нас к станичному управлению, которое находилось на самом краю станицы. По-видимому,

желая устранить тавтологию, редактор переделал фразу, и в журнале она звучит так: конвоир пригнал нас к станичному управлению, которое находилось на самом краю СЕЛА. Это равносильно тому, как если бы я написал, что городская управа находилась в центре деревни.

Есть «поправки» и похлеще. Главное, их очень много. Я потратил две недели, чтобы в печатном тексте восстановить тот мой первоначальный текст.

2. Я подобрал для книги кое-какие иллюстрации (фотографии), но фотографий тех лет у меня мало. А те, что есть, – не высокого качества. Между прочим, обойтись без иллюстраций нельзя. Значит, нужно, чтобы кто-то посмотрел отобранные мною и чтобы можно было решить, какие фотографии включить в книгу, а какие нет. Все-го я отобрал около 6-ти фотографий.

3. Еще в ту пору, когда я находился в больнице, где (очень помалу) дописывал «На ельнинской земле», мне показалось, что надо бы написать к этой книге предисловие. И там же, в больнице, набросал его. А теперь привел в порядок и включил в книгу. Но теперь появились у меня и своего рода сомнения: а зачем предисловие? Стоит ли давать его?

По этому поводу мне также хотелось бы посоветоваться. С одной стороны, как бы и не надо: ничего особо существенного в нем нет. А с другой стороны, оно чем-то дорого мне. Ну, вероятно, хотя бы тем, что я вспоминаю в предисловии об А.Т. Твардовском.

Словом, хочется, чтобы на это дело кто-то посмотрел со стороны и потом сказал бы свое мнение.

4. Есть у меня и еще кое-какие вопросы, но я уж решил на этом пока закончить: и без того заглушил Вам голову. Как говорят, на сегодня хватит.

Всего Вам самого доброго! Ваш М. Исаковский».

Запись в дневнике 1973 года. За несколько дней до кончины он, совсем уж

слабый, пригласил меня и заведующую редакцией Зою Николаевну Яхонтову, чтобы вручить самые последние вставки-вписки в упомянутую выше свою книгу «На ельнинской земле». Каков же пример заботы о будущих читателей!

Он в постели – мы рядом. Вот как шло последнее в жизни поэта свидание с издателями. Закончен разговор о книге и вдруг – то, чего мы никак не могли ожидать от прославленного уж сколько десятилетий поэта:

– Забыт я... Никому не нужен... Вот только жена...

– Что вы?! Как же так?! – Зоя Яхонтова даже всплеснула руками. А я ринулся подкреплять ее непосредственно вырвавшиеся восклицания мужскими аргументами: «"Катюша" поется – всенародно... А вы – "никому не нужен"...»

– Так это песня. А я ведь человек... Поди, никто и не знает – жив я или давно помер...

Мы постарались вывести этот горестный для Великого Поэта как бы внеземной разговор с темой «творец – общество» на другую орбиту. Будто удалось, но снова ворвалось для него горестное, впрочем, на этот раз из разряда заземленных неурядиц. Выслушиваем:

– Я почти ничего не вижу... То, что пишу ручкой или карандашом – при чтении не различаю. Кто бы мне раздобыл эти са-мые, как они там называются, – фло-масте-ры-ы. Говорят, пишут жирно... В наших магазинах нет таких. Я было позвонил в иностранную комиссию Союза писателей. Наобещали, а прошло уж сколько-о...

Я ринулся в ЦК комсомола («хозяин» нашего издательства) и набор этих самых тогда диковинных ручек был доставлен Исаковскому тотчас же. Да, увы, уже не пригодились.

Записи 2016 года. Позвонила жена сына, – была я биолог с научным именем, а ныне, по законам дикого капитализма, отлученная от науки – надо се-

мью содержать, деятельница туризма, и сказала:

– Я познакомилась с дочерью Михаила Исаковского... Так она хотела бы встретиться с вами.

... Приглашен не только я, но и мои жена и невестка. Какое событие и для них тоже побыть в квартире классика.

Знакомый дом на Малой Бронной – тихий уголок столицы в бурном ее центре. Я не был здесь целую вечность – 43 года.

Татьяна Дмитриевна. падчерица поэта. Как же молода своим темпераментом и хлопотами, чтобы чай да торт помогали знакомству. Несколько часов разговоры, разговоры. Быстро уловил ее благоговейное отношение к отчиму, впрочем, это слово и не звучало – только уважительно имя и отчество.

Меня сопроводили в ту самую комнату, где скончался Творец. Провожу ладонью по изголовью кровати.

Притормозил у полок с книгами, но хозяйка выносит некий чемодан и прискакивает: «Вот где сокровища». Истинно так! Здесь хранятся особо ценные издания Исаковского. Гляжу, самые первые книжечки от ещё не восстановленного после гражданской войны издательского дела. Незамысловатые обложки, простецкая бумага и невелики числом страниц. Листаю одну из них 1921 года, вышла в областном Смоленском издательстве: «По ступеням времени». Так даже областной тираж 10.000! Для нынешних времен сие для всей России – фантастика. Вдруг я выискал и одну молодогвардейскую его книгу 1968 года из серии «Библиотечка избранной лирики»: любим Исаковский молодежью – тираж 250.000. И цена вполне для молодежи – 13 копеек. Да, да, 250 тысяч экземпляров по цене двух с небольшим пятачков. Вернувшись домой, я разыскал свой экземпляр этой книжечки – здесь лестный для меня автограф.

Потом Татьяна Дмитриевна осчастливила нас еще одним прикосновением к превеликим ценностям. Ежедневники с повседневными записями Исаковского. То нечто оценочное – «за жизнь» о жизни страны. То рифмы. То напоминания-самозадания будничного характера. Как же интересен этот разнообразнейший повседневный образ запросов поэта и чело-века, обреченного в конце жизни не «выходить в свет»: прикован к постели. Прошу хозяйку ксерокопировать хотя бы кое-что характерное. Отказала. Переубеждать для первого раза не стал.

Зато любезно обеспечила подборкой писем читателей-почитателей Поэта. Особого времени – военного. В них окопные отклики на поэзию – от солдат до генерала. Выходит, когда война грохочет, и музы не молчали, и их фронтовые поклонники не стеснялись объясняться им в любви. Но ведь пишут, а не ведают, не знают, что их ждёт через мгновение, через минуту – по-за окопами и над блиндажами лихо-то. Кое-что переписал отрывками из нескольких писем.

«Просим передать это письмо любимому поэту фронтовиков – Михаилу Исаковскому... «Недавно мы прочитали в «Правде» о том, что издательство выпустило в свет новый сборник Ваших стихотворений. Эту книгу достать на фронте невозможно. Убедительно просим прислать нам Вашу книгу. Шлем Вам горячий боевой привет».

«От души и чистого сердца я бывший учитель, а теперь воин нашей Родины, с гордостью осознающий, что я – русский, шлю Вам свои горячие пожелания сил и бодрости душевной в Вашей благородной работе».

«Ваши стихи очень хорошие. Когда читаешь их, то кажется, что Вы сами солдатом прошли длинные фронтовые дороги».

«Мне до того понравилась эта Ваша песня, что я вырезала из газеты и послала сыну на фронт, в Белоруссию».

«Благодаря Вашему таланту Ваши песни понятны всем народам. И у нас, на Украине, в моём селе Покровское «Катюша», «И кто его знает...» стали самыми настоящими народными песнями. Пишите больше. Ваши песни приносят радость».

Поэт, чьи стихи стали всенародными не по пиар-прихоти ТВ, как нынче, а по настроенности на сопереживание сограждан; впрочем, я занизил планку, известно, что «Катюша» воодушевленно распевалась партизанами-антифашистами Италии и Франции.

Но чего ради я приглашен к знакомству? Наследница М.В.Исаковского решила посоветоваться – в какой архив передать истинно сокровища: его архив.

Размышления после посещения квартиры Поэта. Не уходит он из моей памяти

даже сугубо личностными выражениями характера. Застенчив, как все очень близорукие люди, но неуступчивый в спорах о том, что ему казалось дорогим. С тихим голосом, но при требовательных интонациях, если речь шла, к примеру, об издательской подготовке его книг. До предела скромный, но и болезненно переживал, что-де его уже не знают; это я напоминаю о том, что за протоколировал выше при свидании с ним незадолго до кончины. Его чтили миллионы, а он к концу жизни ограничил себя общением только с другом-земляком Александром Твардовским и терпеливо-заботливой и милой при этом супругой Антониной Ивановной. Еще штрих душевной настроенности: Татьяна Дмитриевна дает прочитать завещание Исаковского, и я углядел первой фамилию именно падчерицы.